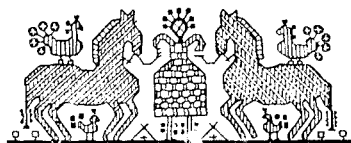
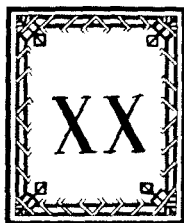

АН 1641 26
1871
АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Р. КОСБЕРГЕНОВ

ПОЛОЖЕНИЕ КАРАКАЛПАКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.¹

Территория Хивинского ханства после завоевания его Российской империей (1873 г.) подверглась разделу. Правобережная часть была присоединена к России и вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства, левобережная часть образовала вассальное по отношению к России Хивинское ханство. Ханская власть здесь существовала до 1920 г. Исторические судьбы каракалпаков левобережья в конце XIX — начале XX в., таким образом, сложились иначе, чем у их собратьев, влившихся в состав населения Российской империи.

Вассальное Хивинское ханство представляло собой самый отсталый уголок колониальной Средней Азии, в котором вплоть до установления Советской власти полностью сохранялись средневековые феодальные порядки и нравы.

Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда положила конец и феодальному и капиталистическому угнетению народов царской России, уничтожила социальное и национальное неравенство и обеспечила небывалый расцвет национальной культуры.

В 1924 г., после национально-государственного размежевания Средней Азии, каракалпаки правого и левого берега воссоединились, образовав автономную область, вскоре преобразованную в Кара-Калпакскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. В братской семье народов Советского Союза каракалпаки, как и многие другие прежде угнетенные народы, достигли невиданного ранее политического, хозяйственного и культурного расцвета.

Исследование исторического прошлого народов, населявших до революции колониальные окраины царской России и совершивших на протяжении нескольких десятилетий советского строя скачок от патриархально-феодальных отношений к социализму, представляет собой одну из серьезных задач советской исторической науки. Весьма интересным поэтому является изучение вопросов истории каракалпакского народа, в частности хивинских каракалпаков, которое до сих пор у нас не предпринималось.

История каракалпаков Хивинского ханства в очень незначительной степени освещена письменными источниками. Поэтому в данном исследовании широко использованы полевые историко-этнографические материалы, собранные автором во время работы в составе Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Проводимые ежегодно, с 1945 по 1950 г., полевые этнографические

¹ Автореферат кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии АН СССР 24 февраля 1953 г.

исследования охватили всю территорию республики¹. В 1950—1951 гг. автор осуществил самостоятельную полевую работу среди каракалпакского населения, живущего на территории бывшего Хивинского ханства, в пределах современных Ходжейлинского, Шуманайского и Кунградского районов.

При написании данной работы использована также литература и документально-архивные источники, касающиеся положения каракалпаков в Хивинском ханстве. Из дореволюционных работ, освещающих эту тему, необходимо отметить труд А. В. Каульбарса «Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям»², содержащий материалы о расселении, хозяйстве и быте каракалпаков, живших в районе Ходжейли, на Шумане и Кият-Джаргане, в низовьях Талдыка и по Кият-Джабу. Ценные фактические данные содержатся в статьях А. Л. Куна «Культурный оазис Хивинского ханства» и «Порядок взимания податей в Хивинском ханстве», опубликованных в газете «Туркестанские ведомости» (1873 г., № 32, 33; 1874 г., № 2, 3, 6, 9, 11, 12, 14). Основной работой, освещающей политическое положение каракалпаков в Хивинском ханстве, является двухтомный труд Гиршфельда и Галкина «Военно-статистическое описание Хивинского оазиса»³, в котором собраны данные об административном устройстве, управлении и хозяйстве хивинских каракалпаков, а также статистические сведения об их численности и расселении по отдельным бекам.

Однако работы дореволюционных исследователей не содержат научного анализа социально-экономического положения хивинских каракалпаков, не показывают всей тяжести национального, социального и политического гнета, который испытывали на себе народные массы, не дают представления о классовой структуре каракалпакского общества.

Широкое изучение истории народов Средней Азии, в том числе и каракалпаков, началось только после Великой Октябрьской социалистической революции. Много было сделано по исследованию прошлого каракалпаков П. П. Ивановым⁴.

Новым этапом в изучении этой проблемы явились работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С. П. Толстова. Многолетние исследования большого коллектива историков, этнографов и археологов дали возможность осветить основные вопросы происхождения народов Приаралья, в том числе и каракалпаков, выяснить их исторические взаимосвязи, последовательные этапы формирования национальных культур и т. п. Результатом этих исследований были многочисленные работы, из которых прежде всего следует отметить труды С. П. Толстова⁵. Исторической этнографии каракалпаков посвящены указанная

¹ См. Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.—Л., 1950, стр. 34.

² «Записки Русского географического общества», 1881, кн. 9.

³ Ташкент, 1902—1903, ч. I—II.

⁴ Из работ П. П. Иванова наибольшее значение для нашей темы имеют следующие: «Очерк истории каракалпаков» («Материалы по истории каракалпаков», «Труды института востоковедения», т. VII, Л., 1935); «Удельные земли сейид-Мухаммед-хана хивинского» («Записки Института востоковедения», т. VII, М.—Л., 1937); «Каракалпаки» (Сб. «Советская этнография», т. IV, Л., 1940); «Новые данные о каракалпаках» («Советское востоковедение», т. III, М.—Л., 1945); историографические исследования и переводы хивинских хроник Муниса и Агехи и документов архива хивинских ханов XIX в. («Материалы по истории каракалпаков», «Архив хивинских ханов XIX века», Л. 1940).

⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948; е го ж е. По следам древне-хорезмийской цивилизации. М., 1948; е го ж е. Основные итоги и очередные задачи изучения истории и археологии каракалпаков. «Бюллетень АН УССР», 1945, № 9—10; е го ж е. Города гузов. «Советская этнография», 1947, № 3 и др.

выше работа Т. А. Жданко и кандидатская диссертация Б. В. Андрианова «Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме XVIII—XIX вв.». Ценным исследованием является докторская диссертация Я. Г. Гулямова «История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней». Среди работ, касающихся положения хивинских каракалпаков, заслуживают внимания кандидатские диссертации И. В. Погорельского — «Экономическое развитие и общественно-политическая жизнь Хивинского ханства в эпоху империализма» и Т. Г. Тухтаметова — «Взаимоотношения царской России с Хивинским ханством в 1873—1910 гг.». Необходимо также отметить докторскую диссертацию Н. Давкарева «Очерки по истории каракалпакской литературы» и кандидатскую диссертацию Дж. Урумбаева «Очерки по истории народного просвещения и школы в Каракалпакии».

Архивные материалы, характеризующие положение каракалпаков в Хивинском вассальном ханстве, изучались автором в Центральном государственном историческом архиве УзССР (ЦГИА УзССР)¹.

* * *

По мирному договору, заключенному 12 августа 1873 г. между русским командованием и правившим тогда в Хиве Мухаммед-Рахим-ханом, Хивинское ханство, территория которого уменьшилась более чем в два раза, стало вассальным по отношению к России, лишившись политической самостоятельности. Без разрешения русских властей Хива не могла иметь никаких связей с соседними государствами.

На правобережье, вошедшем со всем населением в состав России, вскоре был создан Амударьинский отдел², центром которого стал новый, построенный русскими город Петро-Александровск (Турткуль). Отсюда осуществлялся надзор России за делами вассальной Хивы.

После 1873 г. установились тесные экономические связи Хивинского ханства с Россией. Прекращение разорительных феодальных войн и междоусобиц, вовлечение Хивы в сферу товарно-денежного обращения Российской империи, предотвращение последней попыток империалистической агрессии со стороны Англии в отношении Хивинского ханства, а также уничтожение по договору с Россией рабства и запрещение работорговли, центром которой в Средней Азии издавна являлась Хива, — все это было безусловно прогрессивным явлением в истории населявших ханство народностей. Русский капитализм, хотя и в незначительной степени, проникал в эти отдаленные районы, все же способствовал росту производительных сил края.

В то же время договор 1873 г. не вносил изменений в систему управления и внутренние порядки Хивинского феодального государства и оставлял в неприкосновенности деспотическую власть хана над своими подданными — узбеками, туркменами, каракалпаками и казахами.

В административном отношении Хивинское ханство делилось на 20 бекств и два наибства. Каракалпаки жили в северной части ханства, расселившись по окраинам Кунградского земледельческого оазиса, на

¹ Для работы использовано 164 дела из трех фондов: 1) «Канцелярия хана хивинского», ф. 125, 1874—1917 гг.; 2) «Дипломатический чиновник при Туркестанском генерал-губернаторстве», ф. 2, 1899—1918 гг.; 3) «Канцелярия туркестанского генерал-губернатора», ф. 1, 1867—1918 гг. Эти материалы освещают экономическое и политическое положение каракалпаков в Хивинском ханстве, административную и налоговую системы, хозяйство, состояние приращивания и т. д.

² Амударьинский отдел административно впоследствии вошел в состав Сыр-Дарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства.

каналах Шуманай, Кият-джарган и в районе Куня-Ургенча, входивших соответственно в Шуманайское, Кунградское и Куня-Ургенчское бекства. В самых северных частях дельты Аму-Дарьи по протоку Талдык издавна селились каракалпакские племена кият и ашамайлы. Они владели землями, расположенными по Кият-Джаргану и в местности Сор-Куль, вокруг крепости Молла-Прим. По соседству с ними селились каракалпаки-балгалы, часть которых жила и в пределах Амударьинского отдела, на правом берегу Аму-Дарьи. Шуманайский оазис занимали каракалпаки родов жаунгыр: каз-аяклы, терис-тамгалы, уйгур, тиекли, баймаклы и ыргаклы. В районе Куня-Ургенча жили каракалпаки родов найман, баймаклы, уйгур и некоторых других¹.

Управление в Хивинском ханстве, в том числе и управление каракалпаками, сосредоточивалось в руках узбекской феодальной знати — ханских сановников. Так, в начале XX в. казахами и каракалпаками ведал Юнус-есаул-баши. Ниже по иерархической лестнице стояли хакиды, управлявшие бекствами. Они пользовались неограниченной властью над каракалпакским населением. Резиденция каждого из хакимов находилась в одном из трех центров каракалпакской территории — Куня-Ургенче (центр Куня-Ургенчского бекства), Жана-Кале (центр Шуманайского бекства) или Кунграде (центр Кунградского бекства). Самые низкие административные должности были заняты ханскими чиновниками из каракалпаков. До 1873 г. административное деление каракалпаков соответствовало их родоплеменному делению: два основных отдела — арыса — имели во главе беглер-беги; группы племен возглавлялись аталыками; каждый крупный род имел своих биев. Таким образом, в управлении каракалпаками большую роль играла их феодально-родовая знать.

С конца XIX в. этот традиционный принцип стал все более нарушаться. Низовая каракалпакская администрация превращалась в обычных ханских чиновников, ведавших населением определенных территорий. Для управления оставшимися в Хивинском ханстве каракалпаками были введены должности четырех беглер-беги. В распоряжении каждого из них было по четыре аталыка, в распоряжении каждого аталыка — по четыре бия². Все должностные лица были последовательно подчинены друг другу: ханскому сановнику подчинялись хакиды, хакимам подчинялись беглер-беги, последним — аталыки, аталыкам — бии.

Судебная власть сосредоточивалась в руках казиев (казы), которые, как и хакиды, жили в центрах бекств. Однако значительную часть споров и тяжб полагалось разрешать при посредстве администрации. Оба вида судопроизводства сопровождалось наглым взяточничеством; размеры взяток, как правило, решали исход всех подлежащих судебному разбирательству дел. Из числа низших должностных лиц большое значение в жизни аула имели мирабы — распределители воды и организаторы ирригационных работ. Они, как правило, также использовали в корыстных целях свои права, снабжая водой в первую очередь поля богачей и освобождая их за взятки от водных повинностей, вся тяжесть которых ложилась на бедняков.

Основные функции сложного феодального аппарата управления в Хивинском ханстве сводились к выколачиванию налогов из населения. Как известно, в начале XIX в. каракалпаки платили ханам *салгыт-кесме* — условную сумму подати, которая распределялась между отдельными родоплеменными группами. После 1873 г. хивинские правители ввели для

¹ Полевые записи, № 18, 19, 1949.

² Полевые записи, № 1, 7, 1950.

каракалпаков натуральный налог. Сбор этого налога давал широкие возможности для злоупотреблений со стороны ханских чиновников, поскольку они могли по своему усмотрению определять размер урожая. Наряду с этим налогом, носившим название *даяк*, хивинские каракалпаки платили *закят* — налог со скота в размере $\frac{1}{40}$ части стада¹. В 90-х годах прошлого века натуральный налог был заменен денежной кибиточной податью, а *закят* — налогом *чун-пулы*. Изменения в налоговой системе были сделаны вследствие того, что при прежней системе страдало не только население, но и ханская казна, так как сборщики налогов допускали всяческие злоупотребления. Другой причиной этого изменения явилось резкое уменьшение урожаев из-за пересыхания Шуманая и Кият-Джаргана и сокращения поливных земель. Кибиточная подать взималась вначале в размере 20 тенег с хозяйства². Начиная с XX в. подати были увеличены на одну теньгу³. Несмотря на установление твердых размеров кибиточной подати, не прекращавшиеся хищения и взятки сборщиков увеличивали ее во много раз. Кроме того, через каждые три года размеры подати официально увеличивались на 5% из расчета, что за этот период число хозяйств в среднем возрастало на $\frac{1}{20}$. Разверстка добавочного налога производилась местным бием, что давало ему дополнительную возможность наживаться.

Подать взималась любыми средствами. По свидетельству Гиршфельда и Галкина, «если кто-нибудь из плательщиков объявит себя несостоятельным к уплате подати, то его понуждают к уплате наказаниями и в случае неуспеха предлагают зажиточным соседям или другим лицам внести подати за несостоятельного плательщика с тем, чтобы он отработал уплаченную за него подать»⁴.

Помимо налогов, население несло ряд повинностей, из которых самыми тяжелыми были работы по очистке каналов (*надшалык-казу*).

Вся тяжесть налогов и повинностей лежала на трудовом народе, положение которого ухудшалось из года в год. Крестьянство разорялось. Увеличивалось количество безземельных. В то же время должностные лица всех рангов обогащались за счет народа, пользуясь его темнотой и забитостью. Источником обогащения духовенства служили также значительные доходы от находившихся в его распоряжении вакуфных земель.

Среди дореволюционных исследователей было широко распространено мнение о том, что каракалпаки вели кочевое скотоводческое хозяйство. Так, например, М. И. Иванин писал, что каракалпаки «почти все ведут кочевую жизнь»⁵. Исследованиями советских историков и этнографов доказано, что каракалпаки издавна знали поливное земледелие, но их хозяйство носило комплексный характер. По словам С. П. Толстова, «каракалпаки XVIII—XX вв. являются наиболее характерными представителями комплексного скотоводческо-рыболовно-земледельческого хозяйства в условиях дельтового режима»⁶.

Каракалпаки, жившие по левому берегу Аму-Дарьи в пределах Хивинского ханства, делились на две различные в хозяйственном отношении части: у каракалпаков, занимавших удобные для поливного земледелия земли к югу от Кунграда (Шуманай), преобладало земледелие, а скотоводство носило подсобный характер; у каракалпаков, живших на берегу

¹ Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ташкент, 1902—1903.

² Там же, стр. 41.

³ ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 291, лл. 105—118.

⁴ Гиршфельд и Галкин. Ук. соч., стр. 43.

⁵ М. И. Иванин. Хива и река Аму-Дарья. СПб., 1873, стр. 38.

⁶ С. П. Толстов. Города гузов. «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 99.

моря, сохранялись комплексные рыболовно-скотоводческо-земледельческие формы хозяйства.

В условиях Хорезма для успешного ведения сельского хозяйства необходимо было искусственное орошение. Оно осуществлялось с помощью многочисленных каналов, бравших начало из Аму-Дарьи и протоков ее дельты. Многие земли хивинских каракалпаков были расположены выше уровня воды магистральных каналов, поэтому население было вынуждено применять водоподъемные сооружения — *чигири*. Пахотным орудием служила примитивная деревянная соха — *гунде*.

Феодалная знать, начиная от правителей Хивы и кончая местными богачами — баями и биями, использовала воду как средство еще большего закабаления трудящихся масс. Все водные артерии были в руках ханских сановников, духовенства и богатых землевладельцев. Все головные участки оросительной системы были захвачены представителями эксплуататорской верхушки аула. Трудовой народ был оттеснен на неудобные, плохо орошаемые земли.

Бедняки, не имея возможности из-за недостатка воды регулярно орошать свои земли, широко использовали систему водопользования — *аспек*, которая заключалась в поочередном поливе поля мелкими участками.

Хивинские правители, вместо того чтобы руководить работами по улучшению водоснабжения, использовали труд населения, собиравшегося для выполнения государственных ирригационных повинностей, в целях своего обогащения. Злоупотребления и бесчинства организаторов *казу* (общественных работ по очистке каналов) приводили к тому, что каналы с каждым годом очищались все хуже и воды для орошения в них становилось все меньше. Например, в конце XIX в. залившийся канал Шуманай расчищали три раза, но все три раза работу провели плохо и вода в канал не пошла. Многие каракалпаки Шуманайского бекства вынуждены были бросить свои земли и переселиться в другие местности.

Наряду с земледелием большим подспорьем в хозяйстве хивинских каракалпаков являлось скотоводство (преимущественно разведение крупного рогатого скота) и рыболовство в богатых рыбой озерах и разливах дельты Аму-Дарьи.

В исследуемый период социальный строй каракалпаков характеризовался господством феодальных и патриархально-феодальных отношений. Вместе с тем, как установил П. П. Иванов, еще до 1873 г. «не менее шестнадцати процентов всех каракалпаков совсем не имели земли, а огромное большинство остальных арендовало землю у других лиц на исключительно тяжелых условиях»¹. После 1873 г. классовое расслоение каракалпакского аула и эксплуатация трудовых масс еще более усилились. Все большее место в жизни каракалпакского аула занимали кулаки-баи, нередко более богатые и влиятельные, чем знатные по происхождению бии. В руках феодальной знати и баев концентрировались основные материальные блага — земля, вода и скот. Основная же масса каракалпакского крестьянства, разоренная и опутанная долговыми обязательствами, находилась в кабальной зависимости от эксплуататоров.

Формы эксплуатации отличались большим разнообразием. Автору данной работы удалось при полевом историко-этнографическом обследовании каракалпакской территории бывшего Хивинского ханства установить свыше десяти форм эксплуатации крестьян². Чаще всего они в значительной степени были прикрыты «родовыми» обычаями и имели типич-

¹ П. П. Иванов. Очерки истории каракалпаков. «Труды Института востоковедения», т. VII, 1935, стр. 79.

² Полевые записи, № 18, 1949; № 6, 10, 1950.

ный патриархально-феодальный характер. На некоторых же сказывалось начало проникновения капиталистических отношений (наем батраков, поденщиков). Различные формы зависимости определялись терминами: *дихан*, *кунликиши*, *егинширик*, *жарымшы*, *майына*, *сауын*, *толжары*, *комек*, *асырау*, *сутине*, *когине*, и др.

Дихан — безземельный или малоземельный крестьянин, который служил у бая (*дихан журу* — служить диханом), кормился и жил у него. Основной целью дихана было прокормиться и что-нибудь заработать для семьи. Диханами работали иногда долгие годы — бай были заинтересованы в долгосрочном их найме, суля вначале большую плату после окончания обусловленного срока службы, но обычно нарушая свои обязательства. Обманутый же бедняк не мог найти управу на богача и доказать обман, так как договоренность была устная.

Кунликиши — поденщик. После диханства это была самая распространенная форма эксплуатации крестьянской бедноты. *Кунликиши* нанимался на сезон, во время сбора урожая или в период бегарных работ.

Егинширик — буквально означает компаньон за долю урожая. По договоренности с баем крестьянин брался за проведение на его поле всех сельскохозяйственных работ, получая за это от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{7}$ части урожая. Условия эксплуатации были не менее тяжелыми, чем при диханстве, но прикрывались формальным признанием «равноправного» компаньонства.

Жарымшы — издольщик. Несмотря на такое название (буквально «половинщик»), работник жарымшы получал у бая за свой труд лишь незначительную долю урожая. В отличие от дихана он питался дома.

Майына — сдача рабочего скота за часть урожая. Зажиточные крестьяне давали скот для обработки поля беднякам с условием, чтобы те выплачивали им от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{5}$ урожая.

Сауын — сдача богатыми скотовладельцами молочного скота беднякам на выпас. Бедняки пользовались молочными продуктами, за что были обязаны не только пасти скот, но и выполнять домашние работы в хозяйстве бая.

Толжары (буквально «половина приплода»). Бай нанимал пастуха для овец, заключая с ним следующее условие: от 100 овец должен быть получен приплод 100 ягнят, и тогда пастуху будет дано 50 ягнят; если же приплод окажется меньше 100 ягнят, то пастух ничего не получит. Этими хитроумными условиями богатые скотоводы обеспечивали себе бесплатную рабочую силу.

Комек (буквально «общественная помощь»). Обычай *комек* часто использовался зажиточной верхушкой аула как средство получения бесплатной рабочей силы соседей-сородичей при постройке домов, проведении арыков на своих полях и т. п. Этот своеобразный пережиток родового быта, прикрывавший классовую эксплуатацию богатыми трудовых масс — «сородичей», сохранялся вплоть до установления Советской власти в Хиве.

Асырау — буквально означает «взять на воспитание». Зажиточные крестьяне брали в свою семью детей умерших дальних родственников с целью их использования как работников. Они нещадно эксплуатировали детский труд, в то же время стремясь представить себя в глазах посторонних благодетелями ребенка.

Сутине — денежная ссуда. Богатые каракалпаки давали ссуды беднякам из расчета не менее 15%. Они использовали ростовщический кредит как средство приобретения по дешевке у своих разорившихся должников земель и другого имущества, что способствовало процессу обезземеливания небогатых крестьян и концентрации земельных угодий в руках зажиточной верхушки каракалпакского аула.

Когине — ссуда зерном с условием возвращения зерна с процентами после сбора урожая. За каждые полученные у бая 10 батманов зерна следовало возвратить ему 12 батманов.

Тяжелые материальные условия жизни каракалпаков, жестокие формы политического и экономического угнетения накладывали свой отпечаток на духовную жизнь народа. Каракалпакское население Хивинского ханства было поголовно неграмотным. Лишь немногие владели арабской письменностью и умели читать.

Большое значение в быту имело родо-племенное деление. В области брачных отношений стойко держались экзогамные запреты. В семейном укладе сохранялись древние патриархально-родовые обычаи. Они обуславливали, в частности, отчужденное, изолированное положение женщины среди односельчан мужа, принадлежавших к другому, чем она, роду. На сессии Верховного Совета Кара-Калпакской АССР, посвященной 25-летию республики, 17 декабря 1949 г. депутат тов. Авелбаева в своем докладе «Каракалпакская женщина — активная участница социалистического строительства» очень ярко и образно обрисовала положение женщины в дореволюционной Каракалпакии.

«Едва выйдя из отцовского дома, где на нее в силу установившегося обычая смотрели как на лишний рот, как на обузу, девушка сразу попадала в рабскую зависимость от мужа и его родни. Муж был полновластным хозяином жены, он мог распоряжаться ею, как хотел, ибо в его глазах она была просто вещью, которую он купил за калым. Недаром адат — обычное право — поучал, что как хозяин имел право зарезать любую овцу из своего стада, так и муж мог распоряжаться жизнью своей жены. Ответственность за убийство женщины была вдвое меньше, чем за убийство мужчины»¹.

Тяжелая, нищенская жизнь, культурная отсталость, влияние невежественного мусульманского духовенства создавали чрезвычайно благоприятные условия для распространения среди хивинских каракалпаков религиозных предрассудков и сохранения старинных обычаев и верований. У мулл, ишанов и ходжей многочисленные религиозные обряды являлись основным источником доходов, поэтому они всячески пропагандировали среди каракалпакского населения не только неукоснительное выполнение всех правил сложной мусульманской обрядности, но и соблюдение домусульманских, очень древних, подчас изуверских, обычаев. Однако передовые представители народа понимали настоящую роль духовенства; во многих каракалпакских поговорках, рассказах и анекдотах высмеивались его жадность и пороки.

Трудовой каракалпакский народ выражал свои мысли и чувства в многообразном и богатом устном творчестве — песнях, стихах, сказках, героических поэмах и др. В них часто звучали социальные мотивы, призывы к борьбе против ханской тирании, за лучшее, светлое будущее.

* * *

Каракалпакский народ издавна стремился войти в пределы России, надеясь найти у нее защиту от насилий и притеснений со стороны правителей казахских жузов и среднеазиатских ханств.

Известно, что в присоединенных к России по договору 1873 г. областях Средней Азии был установлен колониальный режим; но так как по своему политическому строю Российская империя стояла несравненно выше отсталой феодальной деспотии, какой было Хивинское ханство, это присоеди-

¹ См. «25 лет Кара-Калпакской Автономной Советской Социалистической Республики». Нукус, 1950, стр. 157—158.

нение положительным образом сказывалось на жизни народных масс присоединенных областей. Русская администрация в Амударьинском отделе провела некоторые мероприятия в области улучшения земледустройства, в частности, была роздана каракалпакскому населению часть крупных феодальных ханских владений, оставшихся в пределах Амударьинского отдела. Был установлен новый порядок взимания налогов, причем они стали меньше тех, которые взимались хивинскими правителями. Экономическое и политическое положение правобережных каракалпаков было значительно лучше, чем положение каракалпаков, оставшихся на левом берегу Аму-Дарьи, жизнь и имущество которых находились в полной зависимости от прихоти местных феодальных правителей.

Присоединение части каракалпаков к России в 1873 г. явилось прогрессивным фактором, способствовавшим сближению их с русским народом. Каракалпаки впервые приобщились к культуре великого русского народа, впервые познакомились со светской школой, с медицинскими учреждениями. Установилась связь трудящихся каракалпаков с русским рабочим классом: на полукустарных хлопкоочистительных и других предприятиях наряду с русскими работали 150 каракалпакских рабочих¹.

Хорошо осведомленные о преимуществах положения своих соотечественников в соседних русских владениях, доведенные до полной нищеты хивинские каракалпаки в конце XIX — начале XX в. стали массами переселяться на правый берег, в пределы Амударьинского отдела. Стремясь предотвратить дальнейшее бегство каракалпаков, хан в конце XIX в. попытался уменьшить налоги. Однако эти меры отнюдь не уменьшили незаконных поборов хивинских чиновников. Бедствия и беспросветная нужда хивинских каракалпаков увеличивались с каждым годом.

Администрация Амударьинского отдела неоднократно сообщала в своих рапортах туркестанскому генерал-губернатору о массовом переселении хивинских каракалпаков в русские владения. «При проезде моем из Петро-Александровска в Кунград и обратно по Бек-Джабу, — писал в рапорте начальник Амударьинского отдела (1884 г.), — я встречал много каракалпаков, переселяющихся с левого берега на правый, все они просили принять их в подданство России, ссылаясь на то, что они прежде жили в дельте и ушли на левый берег по своей глупости, но теперь им стало невыносимо жить от поборов ханских чиновников, и прибавляли, что они совершенно разорены... По приезду в Нукус я получил сведения, что... возникло всеобщее возбуждение от страшных поборов сборщиков податей и что можно ожидать переселения к нам до 1500 кибиток... По частным известиям к нам на берег перешло уже около 600 кибиток, но усчитать их трудно, так как многие бросают на левом берегу юрты, скот и имущество и спасаются к нам вплавь»². В соответствии с условиями договора с хивинским ханом, русская администрация Амударьинского отдела пыталась чинить препятствия переселенцам. Но вернуть их было трудно.

Подлинное освобождение от всех угнетателей и эксплуататоров каракалпакский народ получил лишь после победы Великого Октября и установления Советской власти. Завоевать свободу и счастье он смог только с помощью старшего брата — великого русского народа, под руководством Коммунистической партии.

¹ «25 лет Кара-Калпакской Автономной Советской Социалистической Республики», стр. 7.

² ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 1, д. 726, лл. 1—3. Рапорт начальника Амударьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору от 27 апреля 1884 г. за № 1376.

207(1)
ДТ
ИФ
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

И М Е Н И
МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

XXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

У. Х. ШАЛЕКЕНОВ

ЖИЛИЩЕ КАРАКАЛПАКСКОГО КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Изучение огромных изменений, происшедших после Великой Октябрьской социалистической революции в быту крестьянства нашей страны, в том числе и на таких отдаленных отсталых окраинах, какой была до революции Кара-Калпакия, составляет важную и неотложную задачу советской этнографической науки.

Задача настоящего сообщения — показать на историко-этнографическом материале, собранном в Кара-Калпакии, преобразование и развитие форм жилища каракалпакского колхозного крестьянства.

В середине XIX в. основным типом каракалпакского жилища была юрта, возле которой сооружали из глины различные хозяйственные постройки¹. Однако, как правильно замечает Т. А. Жданко, преобладание юрты в качестве основного жилища каракалпаков вовсе не свидетельствовало о скотоводческо-кочевом типе их хозяйства². Каракалпаки, являясь полуседлым народом, живущим в дельтах больших рек и на берегу Аральского моря, издавна сочетали занятие земледелием со скотоводством и рыболовством. В то же время постоянные наводнения, вызываемые изменением течения Аму-Дарьи и ее протоков, не позволяли развиваться прочной оседлости. Лишь крупные каракалпакские феодалы-баи и торговцы строили в то время для себя большие дома-усадыбы по типу хивинских хоули.

На территории дельты изредка встречаются развалины старых усадеб богатых каракалпаков с высокими глинобитными стенами. Внутри такие здания были разделены на множество жилых и хозяйственных помещений, дворники и террасы (айваны). Такова, например, усадьба Утемуратова Аскарбая, которая до сего времени сохранилась в окрестностях г. Чимбая, на территории колхоза им. Андреева Бахтлинского аулсовета.

Лишь незадолго до Октябрьской революции в дельте Аму-Дарьи помимо юрт в аулах появились в значительном количестве и жилые глинобитные крестьянские дома-усадыбы (*там*).

Статистическое обследование Переселенческого Управления, проведенное в 1912—1913 гг., зафиксировало в Аму-Дарьинском отделе 27 439 юрт и 14 766 стационарных помещений³.

¹ См. Г и р ш ф е л ь д и Г а л к и н. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. II, Ташкент, 1903, стр. 124.

² См. Т. А. Ж д а н к о. Каракалпаки Хорезмского оазиса. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг. М., 1952, стр. 520.

³ «Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области», вып. 1, Ташкент, 1915, стр. 145.

Глинобитные жилища того времени характеризуются невысокими стенами и потолками, небольшими световыми отверстиями в кровле и в верхней части стен. Под одной крышей находится жилое помещение и хлев. В плане — это четырехугольная постройка, разделенная на две половины коридором (*дализ*). Из коридора делался выход прямо в хлев, который представлял собой длинное помещение, устроенное вдоль всей задней стены дома. Привычка жить в юрте вела к тому, что тот, кто имел возможность, устраивал в своем доме «уйжай» — высокое крытое помещение, где устанавливали на зиму юрту. В крыше «уйжай» — при постройке оставляли небольшое прямоугольное отверстие, через которое выходил дым из юрты. Перед дверью дома устраивали навес (шертек) для сохранения прохлады в летний зной.

Дома старого типа еще изредка встречаются в колхозных аулах. Во время полевой работы нами был снят план старого дома, принадлежавшего некогда крупному скотовладельцу Сундетбаю. Этот дом, построенный приблизительно 80 лет тому назад, находится на территории колхоза им. Тельмана Пахта-Абадского аулсовета Кенесского района; в нем сейчас помещается животноводческая ферма колхоза. Комнаты дома имеют небольшие (60×64 см) окна. Двери также небольшие — 140×70 см. Крыша плоская, потолок низкий. Жилые помещения имеют примитивные обогреватели-очаги. Наружная и внутренняя побелка никогда не производилась.

Там Сундетбая свидетельствует о том, что до революции даже жилища некоторых богатей были неблагоустроенными. Это объясняется общим чрезвычайно низким уровнем культуры. Все же несмотря на свою примитивность, старое глинобитное жилище лучше юрты, плохо защищавшей от зимних морозов и ветров.

Строительным материалом для глинобитных там служили глина, дерево и камыш. После выбора места для здания, выравнивали почву, а затем закладывали фундамент, представлявший собой прокладку по линии стен слоя камыша, иногда связанного в «бойра». Не имевший прочного фундамента там легко размывался и разрушался.

Стены дома воздвигались из пахсы толщиной приблизительно в 50—60 см; чем выше поднимались стены, тем они делались тоньше. Техника кладки пахсовых стен своеобразна: постепенно укладываются ряды пахсы высотой в 50—60 см, состоящие из хорошо промешанной и плотно прибитой колотушками глины. Сперва на фундамент укладывался один ряд пахсы, затем, после его подсыхания, укладывали следующий ряд; на последний верхний слой укладывали «пардиуал» — небольшой слой глины, высотой в 20—25 см, на котором укреплялись балки кровли.

Все участники строительства там выполняли определенную работу: одни месили глину, другие подвозили подготовленную глину, третьи подавали ее, четвертые клали стены, а мастер выравнивал их специальной лопаткой.

Размеры дома обычно определялись богатством хозяина. Часто богатые люди строили себе дома из 5—6 слоев пахсы, а бедные строили небольшой дом высотой в 3—4 слоя пахсы. Стены обмазывали с внутренней и наружной сторон два раза глиной; побелку внутри и снаружи не производили. К старому типу жилища относятся также *жертоле* (землянка) и *ылашык* (шалаш). В темных и сырых жертоле жили бедняки. Ылашык, представляющий собой шалаш из плетня, получил впоследствии дальнейшее развитие в северных и центральных районах дельты Аму-Дарьи в виде стационарных жилищ с плетневым каркасом (шокпер), но уже прямоугольных в плане и отопляющихся печами с дымоходом.

* * *

За годы пятилеток в Кара-Калпакии проведена огромная работа по благоустройству колхозного аула. Районные органы провели планировку и озеленение почти всех селений. Дома в колхозном ауле располагаются вдоль улиц, окаймленных арыками и обсаженных деревьями.

Однако не все колхозные аулы можно отнести полностью к компактному поселковому типу расселения. Часто селения сохраняют старую планировку и дома в них еще разбросаны на расстоянии 200—300 м друг от друга, хотя всюду теперь уже есть центры будущих поселков с одной-двумя улицами. Обычно здесь помещаются хозяйственные и культурные общественные здания (правление колхоза, клуб-читальня, медпункт, сельмаг, школа, колхозный склад, склад для сельскохозяйственного инвентаря и т. д.).

В качестве примера приведем поселок колхоза им. XVIII партсъезда Бахтлинского аулсовета Чимбайского района. Состоящий из 40 усадеб поселок расположен юго-западнее колхозного *бака* (сада). В нем имеются две широкие улицы, обсаженные по краям декоративными деревьями. В центре находятся начальная школа и правление колхоза, магазин, механическая мельница. Этот поселок, как и другие колхозные селения, является хозяйственным и культурным центром колхоза.

Важную роль в развитии новых поселков играет ликвидация бывшего бездорожья между аулами и внутри них. Построены новые автомобильные и грунтовые дороги, а также мосты, что способствует дальнейшему развитию экономики и культуры колхозного аула.

Исследование современных колхозных жилищ позволяет выделить в основном три их типа: 1) новый колхозный дом (*там*) поселкового типа; 2) дом, в котором черты нового благоустроенного жилища сочетаются с некоторыми элементами дореволюционного каракалпакского *тама* и 3) дом старого типа.

Современный *там* поселкового типа состоит из двух или трех комнат (*оажире*), кладовой и навеса (*шертек*) с коридором (*дализ*). В таких домах бывает не менее 3—4 окон. Дом всегда изолирован от хлева. В жилых комнатах устанавливают печи различных форм, сложенные из сырцового кирпича.

Примером нового поселкового дома может служить *там*, построенный в 1940 г. Утениемзом Аймуратовым, членом колхоза им. Карла Маркса Ленинабадского аулсовета Кенесского района. Дом высокий, стены его состоят из пяти рядов пахсы (в среднем по 50 см каждый) и слоя пардиуал (25—30 см); высота стены от пола до потолка 2,5 м. В доме две комнаты, кладовая и *дализ*. Благодаря мастерству строителя-уста, стены сложены совершенно вертикально, подобно кирпичным, не суживаясь кверху. Крыша дома плоская. Потолок и стены внутри побелены. Дом имеет пять окон с форточками и три двери. Пол в комнатах деревянный. В каждой комнате имеется кирпичный обогреватель с приданной к нему железной печью. Перед входом—навес (*шертек*), близ него стоит юрта (*кара уй*).

Возле дома посажен абрикосовый сад (*ерик бак*), перед окнами—деревья, на приусадебном участке—высокая джугара, картофель, табак. К северо-западной стене *тама* пристроена сейсехана, сделанная из ветвей; ее предполагалось заменить глинобитной постройкой.

Ко второму типу современных колхозных каракалпакских жилищ можно отнести *там*, построенный в 1948 г. Сеймуратовым Бекназаром, членом сельхозартели им. Ворошилова Первомайского аулсовета Чимбайского района. Этот *там* отличается от описанного выше тем, что в нем имеется высокий уйжай, который, как и все здание, построен из пахсы,

но гораздо обширнее и выше остальных комнат. Общая площадь уйжай 42 кв. м. В летнее время вся семья живет в уйжае и в юрте, вынесенной в сад; ожире остаются до осени пустыми. Осенью юрту переносят в уйжай и живут в ней вплоть до зимы, когда перебираются в комнаты; весной снова переходят в юрту, а с прекращением дождливой погоды ее переносят из уйжай в сад. Уйжай имеется в домах многих колхозников северных районов республики. Летом, когда из него выносят юрту, он служит жилым помещением. Жилые комнаты всех домов, которые мы относим ко второму типу, отделены от хозяйственных построек и хлевов. Но в них сильнее, чем в домах первого типа, сказываются традиции каракалпакской народной архитектуры и местного быта.

Наконец, к третьему типу относятся дома, с прочно сохраняющимися традиционными чертами. Таков, например, дом, построенный в 1949 г. Сапаевым Джуманезаром, членом колхоза им. Кирова Кенесского аулсовета Кенесского района. Этот дом также построен из пахсы. Вход в него устроен через *дализ*, по обе стороны которого находятся жилые комнаты: первая — *миманхана*, вторая — *асхана*; в каждой из них имеется обогреватель. Летом пищу варят в уйжае, на очаге. Из дализа проходят также в уйжай, в данхану и сейнсахану, не отделенную от жилья. Сохранение хлева под одной крышей с домом является отрицательным моментом, унаследованным от планировки дореволюционного жилища.

Подобные дома, встречающиеся еще в колхозных поселках, постепенно исчезают из быта. Однако и их нельзя полностью отождествлять с домами старой планировки, так как они резко отличаются от дореволюционных построек большей высотой стен, размерами окон, наличием хороших печей и общим внутренним убранством. Возле таких домов разбит плодовый сад, а вокруг дома, возле *салма* (арыка), посажены деревья.

Современная техника постройки глинобитных домов мало отличается от старой. В основание здания обычно также кладут камыш или бойра. Крыша *тама* по-прежнему плоская. Однако стены современных жилищ делаются теперь гораздо выше, чем в старых домах (обычно кладут 5 рядов пахсы). Благодаря увеличению кубатуры помещения, улучшились санитарно-гигиенические условия. Стены здания внутри и снаружи обмазывают теперь глиной в два слоя и белят.

В последние годы в домах все чаще настилают деревянные полы. Ширина окон в новых колхозных жилищах, в среднем, 75—80 см, а высота — 106—110 см. Окна стараются обращать на южную сторону, поскольку дома предназначены главным образом для жилья зимой. Рамы окон деревянные, одинарные, в некоторых домах встречаются двойные (с форточками и без форточек).

Внутреннее убранство современного колхозного жилища мы покажем на примере упомянутого выше дома Сапаева. От входной двери направо находится парадная комната (*миманхана*), пол которой застлан узорчатыми кошмами (*кииз*) и ковром (*эле*). На стенах комнат висят фотографии членов семьи, почетные и похвальные грамоты. В углу комнаты, справа, стоит стол и два стула, но гостей по традиции угощают на полу. На столе лежат книги и другие учебные пособия. За этим столом обычно готовят уроки школьники. Налево от печи стоит железная двуспальная кровать, далее ornamentированный шкафчик (*сандык*); на который укладывают одеяла, подушки и другие постельные принадлежности. Слева от окна стоит тумбочка с радиоприемником.

Убранство кровати состоит из матраца, покрытого белой простыней, обшитой по краям кружевом; на нем теплое одеяло с пододеяльником, сверху покрывало и подушки.

Вторая комната (*асхана*) убрана скромнее. В этой комнате справа от двери стоит посудный шкаф, на полу расстелена циновка-*шыпта*, на ней простая кошма. Стены этой комнаты украшены меньше, чем миманханы. В асхане семья проводит большую часть времени, в ней готовят пищу и хранят утварь. Необходимо особо отметить, что описываемый дом, как и другие новые жилища, выгодно отличается от старых чистотой и опрятностью.

Из сказанного видно, что внутреннее убранство домов, несмотря на сохранение некоторых традиционных черт, существенно изменилось. С ростом зажиточности и культурных запросов колхозников появились новые предметы обихода: кровати, столы, стулья — обычно фабричного изготовления. В домах царит чистота и порядок. Не только у колхозной интеллигенции, но и у многих рядовых колхозников часто можно видеть две-три нарядно убранные никелированные кровати, шкафы, диваны, столы, швейные машины, патефоны, радиоприемники и другие новые для каракалпакского крестьянства предметы мебели и домашнего обихода. Из прежних вещей сохраняются традиционные сандыки и похожие на русские сундуки *арша*, орнаментальная отделка которых значительно богаче.

В большинстве домов встречаются характерные для местной мебели деревянные кровати кустарного производства (*кат* или *агашкат*), размером 180 × 120 см. Такие кровати, застланные коврами или кошмами, обычно стоят в *уйжае* или на *айване*. На них, как и на глинобитных возвышениях *спа*, в летнее время отдыхают члены семьи.

Изменилось также внешнее и внутреннее убранство юрт, устройство которых и названия разных деталей (*казан як жак*, *тор* и др.) сохраняются прежними.

Для примера опишем внутреннее убранство юрты Абдалова Байекеша, члена сельскохозяйственной артели им. Тельмана Пахта-Абадского аулсовета Кенесского района. Эта четырехканатная⁴ юрта поставлена возле дома. В правой части юрты стоит небольшой стол, на нем — швейная машина и радиоприемник. Сандык с красиво уложенными на нем одеялами стоит на традиционном месте. В левой части юрты стоит двуспальная кровать, убранная по русскому образцу. Около кровати — второй стол с книгами и газетами.

Шестиканатная юрта Ходжабергенова Султана, члена сельскохозяйственной артели им. Калинина Азатского аулсовета Чимбайского района, находится во дворе дома. В правой части юрты стоит небольшой стол, на нем радиоприемник. Позади стола — сандык с постельными принадлежностями. На *торе* поставлена двуспальная железная кровать под пологом *пешехана*, убранная по русскому обычаю. В левой стороне юрты стоит *арша*, на которой возвышаются сложенные горкой постельные принадлежности (*жук*). Рядом на столе — швейная машина, патефон. Дверь юрты двухстворчатая, орнаментированная. На полу расстелены *пыпта*, *кииз* и *корпе*. Внутри юрта украшена орнаментированными коврами дорожками *кзыл кур*, *баскур* и др.⁵

Этнографические материалы показывают происшедшие за годы советской власти коренные изменения в жилище и бытовой обстановке каракалпакского крестьянства. Вместо прежних убогих, закопченных, грязных и темных лагуг, в которых люди жили вместе со скотом, крестьяне-каракалпаки имеют светлые теплые дома, пользуются новой удобной мебелью. Сохраняя своеобразный общий национальный облик быта, они во многом восприняли русскую культуру.

⁴ Канат — деревянные решетки, из которых составляются стенки юрты. Число канатов (4,6) определяет диаметр юрты.

⁵ Полевая запись 1952 г.